

ББК 60.524.258.7

М.И. Черепанова

Социальные условия и факторы суицидального поведения молодежи*

M.I. Cherepanova

The Social Conditions and Factors of Suicidal Behavior of Youth

Рассмотрены проблемы воспроизводства суицидальных рисков молодежи в обществе. Описаны социальные условия и факторы, способствующие эскалации суицидального поведения. Данная статья будет интересна специалистам в области социологии риска, социологии девиаций.

Ключевые слова: суицидальный риск, воспроизводство риска, общество риска, рискованные социальные практики, рискогенная социальная среда, социальная трансформация.

Современное общество можно охарактеризовать как «общество риска». Риск – это форма деятельности в условиях неопределенности при наличии возможности оценить вероятность ее результата.

Если индустриальное общество полагалось на традиционные социальные нормы, образцы семейных отношений, то развитие общества риска радикально изменило социальную структуру, роль, значение семьи, профессий и т.п. В российском обществе накапливаются риски разного рода и содержания, распространяются рискованные социальные практики.

Риск – не только деятельность, но и характеристика состояния личности, группы, общества. У. Бек определяет общество риска как специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств, физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный характер, а преимущественно случайный, вероятностный. «Общество риска» возникает на основе социальной трансформации распадающегося индустриального общества, постепенно вытесняя его, структурируясь вокруг производства рисков, доминирующих во всех его сферах и не поддающихся контролю со стороны общественных институтов.

От общества, в котором регламентировались все сферы жизни, Россия перешла к обществу риска, в котором вместо концепции государственного патернализма сложилась «модель выживания как метод адаптации населения к тяготам реформ». В условиях

The article is devoted to the problems of reproduction suicidal risk of youth in society. The author defines social conditions and factors influencing on suicidal behavior. The paper can be interesting for specialists in sociology of risk and deviations.

Key words: suicidal risk, reproduction of risk, society of risk, social-risk practice, social surroundings of risk, social transformation.

неопределенности, свойственных сегодня всем сферам жизнедеятельности населения в России, выбор человеком поведенческих стратегий приобретает все более непредсказуемый, а потому рискованный характер.

Одним из актуальных является суицидальный риск. Среди основных факторов рискогенной социальной среды, обуславливающих суицидальное поведение, выделяют: социально-экономический, социально-политический, социально-демографический, политико-правовой, духовно-нравственный, социокультурный, социально-психологический и др.

Молодежь наиболее уязвима в суицидогенном отношении. На возраст от 18 до 29 лет сегодня приходится один из самых высоких пиков суицидальной активности в России («пик молодости») [1].

Рост молодежных суицидов наблюдается во многих развитых странах. По данным Д. Фримана, самоубийства являются третьей по частоте причиной смерти (после несчастных случаев и убийств) среди американских подростков и юношей в возрасте от 15 до 19 лет. За последние десятилетия в США уровень самоубийств в возрастных группах 10–14 и 15–19 лет увеличился на 24 и 59% соответственно. При этом число молодежных суицидов росло значительно быстрее, чем в других возрастных когортах. Та же тенденция наблюдается в Польше, а также в ряде других стран [2, с. 98]. По возрасту совершения первой попытки самоубийства респонденты, имеющие суицидальный опыт, распределились следующим образом: 15,2%

* Работа выполнена по Государственному контракту №02.740.11.0360 по теме: «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества».

впервые попытались покончить с собой, будучи детьми, т.е. когда им еще не исполнилось 14 лет.

На подростковый период (14–17 лет) приходится наибольшее число всех первичных суицидальных поступков (54,6%), причем здесь явно выделяются молодые люди в возрасте 15 лет (27,3%). Период юношества также весьма суицидоопасен: в возрасте от 18 лет до 21 года пытались уйти из жизни, по их собственному признанию, 30,3% суицидентов. К тому же когорта восемнадцатилетних дает второй по силе всплеск попыток самоубийства. С 14 до 18 лет включительно наблюдается неуклонный и весьма интенсивный рост числа покушений на самоубийство. В группе 19–29 лет явно выделяются три основные когорты: 20 лет, 27 лет и особенно 22 года, дающие резкий взлет уровня суицидальности. Эта тенденция характерна в настоящее время в целом для страны [3].

Драматический рост самоубийств среди молодежи в последние годы дал основание многим современным авторам говорить о «реювенации» структуры суицида и очередном надвигающемся буме молодежных самоубийств.

По данным общероссийской статистики, индекс завершенных самоубийств у мужчин в возрасте до 30 лет в среднем в 6 раз выше, чем у женщин этих же возрастных категорий [4, с. 88]. Что же касается покушений, то ситуация здесь, как показывают авторы ряда исследований, совершенно иная. Статистика вызовов экстренной медицинской помощи в связи с суицидальными действиями пострадавших свидетельствует, что молодые мужчины и женщины совершают попытки самоубийства примерно с одинаковой частотой. Результаты многочисленных исследований подтверждают, что женщины молодого возраста покушаются на свою жизнь значительно чаще, чем мужчины [5, с. 20].

По данным исследований молодежных суицидов, 40% респондентов, признавших в совершении неудачной попытки самоубийства, учатся, 50,3% – работают, 6,7% – не учатся и не работают. Уровень самоубийств в первой из указанных групп составляет 4,6%, во второй – 8,8%, в третьей – 6,1%. В общем числе всех покушавшихся на свою жизнь действительно преобладают студенты вузов, но лишь в силу их повышенного удельного веса в составе опрошенных, уровень же незавершенной суицидальности в студенческой среде не намного превышает средний по массиву (6,8%). Такой же показатель зафиксирован и в группе учащихся техникумов и ПТУ, в то время как среди школьников он ниже – 3,4% [3]. В современной западной социологии существуют разные подходы к объяснению молодежных самоубийств, продолжающие традицию Э. Дюркгейма. «Когортная теория» Истерлина-Холинджера связывает бурный рост суицидов в подростковом и юношеском возрасте с относительной численностью соответствующих ко-

горт рождения. Чем выше доля когорты в общей структуре населения страны, считают авторы, тем большие трудности приходится испытывать ее представителям в конкурентной борьбе за доступ к дефицитным социальным ресурсам в сфере занятости, образования, здравоохранения и т.д. Невозможность удовлетворения насущных потребностей приводит молодых людей к депривации и самодеструктивным действиям.

В социопсихологической теории К. Жирара самоубийства объясняются в терминах «социальной идентичности». Когда значимые для индивида элементы «Я-концепции» подвергаются угрозе, самоубийство становится, с одной стороны, единственным выходом из сложившейся жизненной ситуации, а с другой – символическим знаком того, что «Я-концепция» разрушается. Повышенный риск самоубийств среди молодежи связан, по мнению автора, с резкой актуализацией в этом возрасте потребности в достижениях, культивируемой развитым обществом.

Данные относительно территориальной структуры самоубийств, имеющиеся в отечественной литературе, весьма противоречивы. К середине 1990-х гг. превышение числа сельских суицидов над городскими достигло 36,4%, а коэффициенты смертности от самоубийств равнялись соответственно 50 и 36,6 [6]. Вместе с тем С.В. Кондричин в своем исследовании, базирующемся на статистике самоубийств по 40 регионам России, зафиксировал обратную корреляцию между удельным весом сельского населения и индексом суицидальности ($-0,379$ для $r = 0,016$). Следовательно, чем менее урбанизирован регион, тем реже там случаются самоубийства, и наоборот [2, с. 117].

На самом деле глубинные источники девиации, указанные классиками социологии, в принципе остались прежними. Они лишь сменили свою локализацию, переместившись из крупных городов в провинцию под влиянием тех трансформационных процессов, которые сопровождали коренную ломку общественного и экономического строя в нашей стране в конце 1980-х и особенно в 1990-е гг. Хроническая безработица на селе, постоянная ее угроза в малых и средних городах области, прогрессирующая бедность, углубление материального и социального неравенства, наиболее остро затронувшие провинциальную молодежь, блокирование возможностей достижения желаемых социальных позиций при отсутствии четких и всеми соблюдаемых правил игры в экономической и политической жизни общества вызвали общее разочарование, чувство незащищенности и тем самым способствовали распространению образцов самодеструктивного поведения в молодежной среде. Следовательно, есть основания утверждать, что в российской глубинке сегодня сложился тот же самый «ситуационный синдром», который столетие назад стимулировал драматический рост самоубийств в крупных городах и мегаполисах.

Безработица, как отмечают П. Маккол и К. Лэнд, влияет на уровень самоубийств среди молодежи через создание конкуренции на рынке труда, обусловленной ростом удельного веса молодежной когорты в общей структуре населения. По данным Д. Фримана, однопроцентное увеличение числа безработных результируется в усилении суицидальной активности молодежи на 0,17% [3]. Д. Эштон оценивает данную зависимость как еще более трагичную: рост безработицы на один процент, по его мнению, ведет к увеличению самоубийств на 4,1% [3]. Тесная прямая корреляция между этими переменными зафиксирована и в целом ряде других эмпирических исследований, проведенных как в нашей стране, так и за рубежом [3]. Это еще раз подтверждает правомерность известного вывода о том, что источником суицидального поведения в конечном счете выступает не безработица как таковая, а понижение социального статуса человека и наступающая в связи с этим трудовая и социальная дезадаптация. Специальные исследования свидетельствуют, что суицидальные тенденции начинают активно формироваться тогда, когда иные способы приспособления личности к экстремальной жизненной ситуации уже исчерпаны. В этих случаях самоубийство оказывается закономерным следствием фрустрации значимых потребностей и эмоционально-психологического срыва, наступающего в результате воздействия социально-экономических стрессоров. «Самоубийца отрицает не саму по себе жизнь, а ее нежелательный вариант, предлагаемый судьбой» [4, с. 98].

Анализируя источники суицидальности, Р. Коски, в частности, приходит к выводу о том, что подростки из бедных семей в большей мере подвержены риску самоубийств, чем их материально обеспеченные сверстники [3]. Б. Янг в своем исследовании выяснил, что однопроцентный рост доходов на душу населения приводит к уменьшению числа молодежных самоубийств на 0,11%. Усиление же бедности, снижающее социальную и экономическую интеграцию, негативно влияет на суицидальную ситуацию в обществе [3]. Крайне редкие и немногочисленные российские исследования также свидетельствуют о существовании обратной, хотя и не очень выраженной корреляции между этими переменными: чем беднее регион, тем чаще там совершаются самоубийства [2, с. 113].

Если отслеживать ситуацию по регионам России, то в депрессивных регионах уровень самоубийств, в том числе молодежи, примерно на треть выше среднероссийского. Так, «критический» уровень суицидов (20 на 100 тыс. населения) в 2008 г. превзойден в 72 территориях, достигая в 8 территориях от 70 до 100, среди них Республика Алтай, Читинская область, Еврейская автономная область, Удмуртия, Бурятия, республики Марий Эл и Башкортостан, Ненецкий автономный округ [6].

С другой стороны, значимой переменной, дифференцирующей установки на самоубийство и связанной с уровнем доходов, является возраст респондентов. Так, в группе подростков самая высокая суицидальная готовность наблюдается у выходцев из бедных семей. Неравенство в распределении доходов острее переживается в подростковом возрасте. Оно усиливает разрыв между целями и средствами их реализации, рождает чувство ущербности, неверие в возможность достижения жизненного успеха; все это повышает уровень социальной аномии. Эти данные еще раз подчеркивают роль депривационных факторов в активизации механизмов суицидального поведения. Для представителей старших возрастных групп молодежи характерна иная тенденция: интенсивность установок на самоубийство нарастает по мере повышения уровня жизни респондентов. В результате приемлемость суицида в материально благополучных семьях здесь намного выше, чем в депривированных. Данный факт не вписывается в объяснительную схему социально-интеграционной концепции и требует интерпретации в рамках иных теоретических подходов, а также учета параллельного влияния других социальных переменных. Одним из провоцирующих факторов суицидальности молодежи является алкоголизм. По данным статистики вызовов Ивановской городской станции скорой помощи, 42,5% молодых людей, покушавшихся на свою жизнь, находились в состоянии алкогольного опьянения. При этом число зарегистрированных попыток алкогольных суицидов в молодежной группе даже несколько выше, чем в старших возрастных категориях ($p=0,014$). В целом это весьма типичная картина. Связь между злоупотреблением алкоголем и самоубийствами давно зафиксирована патологоанатомами и отмечается многими исследователями и практикующими суицидологами. По оценкам российских судмедэкспертов, алкоголь присутствует в крови примерно у 40% всех обследуемых самоубийц. По данным обзора, подготовленного О. Сестренским, этот показатель сегодня достигает уже 60%. При этом в 40% всех случаев содержание алкоголя соответствует средней и сильной степени опьянения [3].

Мотивы семейного неблагополучия обнаруживаются более чем в 40% суицидальных попыток и завершенных суицидов молодежи. Поэтому одним из условий формирования суицидальной мотивации личности в настоящее время является семейное неблагополучие, а именно неспособность семьи выполнять социализирующую функцию. В современной литературе, посвященной суицидам, отмечается, что самоубийства чаще всего происходят в нуклеарных, неполных семьях, а также в семьях, не имеющих детей [5, с. 21]. Суицидальное поведение, по мнению Д. Фримана, напрямую связано с недостатком социальной и экономической поддержки. Кроме того, во многих работах подчеркивается «абсолютное и устойчивое»

суицидогенное влияние разводов и прочих семейных дисфункций, которые приводят к изменению «образцов социальной интеракции», разрушают «регулятивные и интегративные механизмы» и вызывают «хроническую семейную аномию» [3; 4, с. 19]. Из литературных источников известно также, что от 90 до 100% суицидальных попыток, совершаемых в детском и подростковом возрасте, так или иначе связаны с семьей, семейным окружением и внутрисемейными конфликтами [3; 4, с. 20].

Наиболее высокие показатели покушений на самоубийство наблюдаются в тех семьях, где родители имеют низкий уровень образования (начальное или неполное среднее): 20 и 33% соответственно при среднем значении, равном 6%. У детей образованных родителей уровень суицидальности в целом не превышает нормы (6,6% для тех респондентов, у которых отец и мать имеют высшее или среднее специальное образование) [3]. Обнаружены также более интенсивные установки на совершение суицида в семьях с неблагоприятным психологическим климатом. Там, где внутрисемейные, и прежде всего родительско-детские, отношения характеризуются самими респондентами как теплые, доверительные или нормальные, субъективная приемлемость суицидального поведения намного ниже средних значений. Реже здесь возникают и мысли о самоубийстве. В семьях, где доминируют дисфункциональные отношения, царит эмоциональная холодность или систематически возникают конфликты, эти показатели резко повышаются. Если характер внутрисемейных интеракций в меньшей

степени сказывается на морально-психологическом состоянии «взрослых» молодых (старше 18 лет), то для подростков и людей раннего юношеского возраста данный фактор имеет первостепенное значение. Суицидальное поведение – это ответ на глубинные переживания человека, и чем он моложе, чем выше степень его семейной интеграции, тем в большей мере своим суицидом он «полемизирует» с семьей.

Еще один мощный фактор суицидального поведения молодежи – пьянство родителей. Результаты опросов показывают, что у молодых людей, живущих в семьях, где отец и особенно мать систематически злоупотребляют алкоголем, чаще возникают суицидальные мысли и намерения, чем у их социально благополучных сверстников. Они в среднем чаще предпринимают и реальные попытки самоубийства. Полученные исследователями данные подтверждают вывод О.-Й. Скога и С. Элекес о том, что молодежные самоубийства часто провоцируются пьянством «значимых других», и в первую очередь родителей [3].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что описанные социальные условия и факторы способствуют формированию состояния безнормативности, а также социального пессимизма и являются социальной средой для рискованного суицидального поведения молодежи.

Дополнительное, более глубокое изучение условий и факторов суицидального поведения молодежи позволит строить вероятностные модели подобного поведения. Таким образом, возникнет теоретическая возможность управления суицидальным риском.

Библиографический список

1. Гилянский Я.Ю. Основные тенденции динамики самоубийства в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html>.
2. Кондричин С.В. Региональная дифференциация электоральных установок, уровня самоубийств и смертности от насильственных причин: к вопросу об энтогенезе социального поведения // Социологический журнал. – 2000. – №3.
3. Мягков А.Ю., Журавлева И.В., Журавлева С.Л. Суицидальное поведение молодежи: масштабы, основные формы и факторы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zipsites.ru/psy/info/>.
4. Роганов С. В. Черный феномен свободы // Философский журнал. – 2008. – №8.
5. Смедович С.Г. Самоубийство в зеркале статистики // Социс. – 2000. – №4.
6. Официальный сайт Госкомстата [Электронный ресурс]. – URL: gks.ru.